
РЕАЛИЗУЕМАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

В.В. Парамонов

Кафедра государственного и муниципального управления
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Несмотря на то, что статья 7 Конституции России 1993 г. определяет страну как социальное государство, реальность современной социально-экономической ситуации значительно отличается от декларации. В статье анализируется сложившаяся в стране ситуация с формированием основ социального государства. Анализ показателей социального неравенства и расслоения, характеризующие страну как социальное государство, в России демонстрирует все углубляющийся разрыв между богатыми и бедными. За последние годы ничего не было сделано для движения к более справедливому распределению доходов и национального богатства, что привело к дальнейшему росту социального неравенства, перекрывавшему все мировые достижения в этой сфере. При этом, как аргументировано в статье, высокая степень расслоения негативно влияет на экономический рост. На основании исследований отечественных ученых можно сделать вывод о том, что более равномерное распределение доходов обеспечивает более высокие темпы экономического роста и процветание страны. Такие результаты в значительной степени объясняет модифицированная теория факторов производства. К трем факторам, которые выделил Ж.Б. Сэй в начале XIX в., впоследствии было добавлено еще несколько, в том числе специфический ресурс — рынок сбыта. Огромное социальное расслоение и, как следствие, очень значительное количество бедных лишает страну этого столь важного ресурса. Для исправления ситуации автор предлагает вернуться к прогрессивной шкале налогообложения с одновременным установлением нулевой ставки подоходного налога для беднейших категорий населения, что создаст предпосылки для роста потребительского спроса в условиях экономического кризиса.

Ключевые слова: социальное государство; дифференциация доходов; прогрессивная шкала; «плоская» шкала; теория факторов производства; ресурс рынка.

Пункт 1 статьи 7 Конституции, принятой в декабре 1993 г., определил Российскую Федерацию как социальное государство. Его устоявшаяся характеристика следующая: а) развитая система страховых социальных отношений и высокий уровень налогов, формирующих бюджет, высокие размеры отчислений на социальную сферу; б) развитая система услуг и социальных служб для всех групп населения; в) развитая правовая система, при которой осуществлено разделение властей, четкая реализация функций каждой ветви власти, отработанная нормативно-правовая система социальной жизни.

Критерии, по которым в мире государства относят к социальным:

- децильный коэффициент;
- коэффициент Джини;
- доля реальной средней заработной платы к производству ВВП на душу населения;
- доля оплаты труда в стоимостной структуре ВВП;
- доля расходов семьи на питание в семейном бюджете;

- доля средних слоев в социальной структуре общества;
- индекс Кейтца (отношение минимальной заработной платы к средней);
- продолжительность жизни.

В 1990-е гг. рассматривать Россию как социальное государство можно было только в порядке гипотезы. Достаточно сказать, что к 1995 г. реальная среднемесячная заработная плата по отношению к 1991 г. снизилась до 32% и только в 2006 г. несколько превысила уровень 1991 г., составив 100,6% от базы. Благодаря высоким темпам экономического развития в нулевые годы государство смогло обеспечить значительное повышение реальной заработной платы, ввести материнский капитал и принять ряд других мер по решению социальных проблем. Все это позволило В.В. Путину в феврале 2012 г. в статье, представленной на сайте премьер-министра, утверждать: «Россия — социальное государство» [8]. Нынешний премьер-министр Д.А. Медведев в статье «Новая реальность: Россия и глобальные вызовы», опубликованной в академическом журнале «Вопросы экономики», отмечает появление нового тренда — «формирование нового социального государства, отвечающего реалиям современных развитых государств. Принципиальная его особенность — индивидуализация предоставляемых услуг (образования и здравоохранения прежде всего)» [7. С. 11].

Однако сегодня социально-экономическая ситуация в стране далека от радужной. Экономика России находится в состоянии кризиса, наиболее характерные черты которого — снижение реальной заработной платы за 8 месяцев текущего года на 10%, объемов розничной торговли на 8,1%, продажи продуктов на 7,9%. Для ряда отраслей падение продаж было еще более значительным: за 8 месяцев 2015 г. продажи автомобилей сократились на 33,5%. Интересно отметить, что при таком колоссальном общем падении объема реализации выросли продажи самых дорогих марок: Лексус на 15%, Порше на 23% [9]. Следовательно, это только бедные становятся еще беднее, сокращается численность среднего класса. Данные статистики дают объективную картину динамики распределения денежных доходов между самыми бедными и самыми богатыми.

Таблица 1

**Распределение общего объема денежных доходов
и характеристики дифференциации денежных доходов населения [11]**

Годы	Денежный доход — всего	в том числе по 20-процентным группам населения, в %:				
		первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)
1990	100	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7
2000	100	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7
2014	100	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4

Без малого за четверть века доля денежных доходов беднейшей части населения уменьшилась почти в два раза, доля второй квинтили на 34%, третьей — на 21%, четвертой — на 5%. И только доля самых богатых возросла на 45%.

Распределение национального богатства дает еще более впечатляющую картину дифференциации населения. Согласно данным Global Welth Report (октябрь 2012 г.), Россия заняла первое место среди крупных стран по неравенству распределения богатства. По оценке авторов доклада, на долю 1% самых богатых россиян приходится 71% всех личных активов нашей страны. В следующих за Россией крупных странах Индии и Индонезии 1% богачей владеет 49% и 46% всего личного богатства. В мире в целом этот показатель равен 46%, в Африке — 44%, в США — 37%, в КНР и в Европе — 32%, в Японии — 17%. Мировым лидером Россия является по доле самых состоятельных 5% населения, которые владеют 82,5% всего национального богатства, а на самых состоятельных 10% населения приходится 87,6% всего национального богатства [11]. Дополняют эту картину данные по децильному коэффициенту: 1990 г. — 4,5—5,0, 2014 г. — 16,0, однако оценки экспертов еще более категоричны: 25—30 раз [8. С. 36]. По мнению российских экономистов А. Бузгалина и А. Колганова, в России сформировалась модель позднего капитализма полупериферийного типа при полном господстве отношений корпоративно-бюрократического отчуждения и присвоения. Представители этой группы — корпоративно-государственная номенклатура — присваивает и перераспределяет в свою пользу часть дохода собственников, заработной платы рядовых работников, доходов государства [2. С. 11]. Именно функционирование этой модели создает условия для такой колоссальной поляризации населения по уровню доходов.

Международная статистика, раскрывающая положение дел с дифференциацией доходов в развитых странах, показывает совершенно противоположную ситуацию. В большинстве развитых европейских стран децильный коэффициент меньше 10, в Германии — 6,9, в Швеции — 6,2. Следовательно, есть определенная зависимость результатов экономического развития от уровня социальной справедливости, выраженного децильным коэффициентом или индексом Джини. На практике это достигается с помощью налогового механизма, выполняющего данную социальную функцию, т.е. перераспределения доходов между различными категориями граждан с целью поддержания социального равновесия в обществе. Для решения этой задачи используется система прогрессивного налогообложения. В 2001 г. правительство отказалось от прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц и ввело единую ставку в размере 13%. Обосновывалось это тем, что при введении «плоской» шкалы крупные доходы будут выведены из теневого сектора экономики. При этом также ссылались на более простое администрирование подоходного налога, т.е. по сути дела власть расписывалась в собственном бессилии или в нежелании создавать эффективно функционирующую налоговую службу. С 2001 по 2014 г. децильный коэффициент по официальным данным вырос с 13,9 до 16,0, т.е. пропасть между богатыми и бедными еще больше углубилась.

В то же время мировой опыт показывает, что там, где обеспечено более справедливое распределение доходов, выше уровень благосостояния населения, выше уровень социально-экономического развития страны. Данный тезис подтверждают

исследования российских ученых, которые предложили методики расчета пяти показателей процветания и пяти показателей благополучия, а также показатель прогрессивности шкалы налогообложения [4. С. 23—40]. Вся работа выполнена на основе исследования статистических данных 41 страны мира за 2009—2012 гг. Проведенный анализ позволил «установить выраженную функциональную связь между уровнем развития конкретной страны и степенью прогрессивности подоходного налогообложения» [5. С. 37].

Расчет показателей процветания и благополучия позволил ранжировать страны. В первую десятку входят наиболее развитые страны мира, такие как Дания, Нидерланды, Норвегия, США, Швейцария, Швеция и т.д. Россия же отстает от указанных стран более чем в 2,5 раза. Авторы делают вывод: «Таким образом, сравнительно с указанными благополучными и процветающими странами Россия оказывается весьма неблагополучной и не процветающей, а потому весьма неустойчивой страной по своему социально-экономическому положению. Низкий показатель ставки налогообложения в России, равный единице, вносит свою роль в понижение показателей благополучия и процветания» [5. С. 39].

Такие результаты позволяет объяснить использование новой трактовки теории факторов производства. Как известно, родоначальником ее был Ж.Б. Сэй. Для объяснения образования стоимости он выделил три фактора: капитал, землю и труд. Позднее добавили предпринимательский ресурс, что было вызвано отделением от владельца предприятия (который ассоциировался с капиталом) функции управления производством наемными менеджерами, а не собственниками.

В современной трактовке теория факторов производства дополнена еще одним, имеющим качественные отличия от предыдущих, его можно интерпретировать как ресурс рынка, поскольку он определяет возможности сбыта продукции или услуг. Дело в том, что все предыдущие можно найти на рынке, их можно купить или получить на определенных условиях (кредит, лизинг и т.д.). «Ресурс рынка играет активную, а в нынешних условиях порой даже и ключевую роль. Именно от него зависит, будут ли приведены в действие остальные факторы, поскольку без наличия сбыта производство теряет смысл, и производственный цикл прерывается. Капитал без рынка сбыта „умирает“, он не способен восполнить понесенные затраты, не может извлечь прибыль, которая необходима для расширения производственного цикла. Необходимым условием существования капитала является реализация созданного при его помощи продукта или услуги» [1. С. 52].

Исходя из этих условий, экономическая политика промышленно развитых стран одной из главных целей ставит обеспечение сбыта, не провозглашая это открыто. Невозможно купить сбыт, но его можно организовать.

Конечно же, только в художественной литературе это делается с помощью экзотических приемов, например, использования репейника [3. С. 162]. В современных условиях его организуют при помощи различных методов: идеологических, дипломатических, военных, валютно-финансовых и т.д. Для решения этой задачи создаются международные торговые союзы и интеграционные объединения различного типа. Потенциал рынка может раскрываться разными способами,

например, при помощи инновационной и внешнеэкономической политики, направленной на создание торговых, валютных и иных союзов или региональных организаций. Реальная емкость рынка зависит от хозяйственной политики государства, внутрифирменной стратегии и множества других факторов.

Одним из самых эффективных способов расширения рынка является социальная и инновационная ориентация, которую активно используют страны Северной Европы. Такой курс страхует от неблагоприятного развития экономической жизни, которое наблюдается в странах Южной Европы, Балтии, когда утрачивается промышленная основа из-за потери рынков сбыта и самостоятельной экономической политики. Анализ, проведенный российскими исследователями, показал, что инновационная и социальная ориентация экономики этих стран преследует определенные цели — гарантировать рынки сбыта, чтобы таким образом сохранять и развивать свой потенциал [2. С. 38].

Социальная ориентация, в первую очередь, решает задачу обеспечения расширенного сбыта на внутреннем рынке, на внешнем его сегменте, при этом проявляется взаимное их влияние. Социальная ориентация обеспечивает подготовку трудовых ресурсов соответствующего уровня, необходимого для осуществления инноваций требуемого качества. Инновации, предназначенные для увеличения экспорта, поддерживаются внутренними инновациями — не только технологическими, но и социальными и экологическими.

В то же время инновационная ориентация, обеспечивая выгодное место в системе международного разделения труда, помогает поддерживать внутри страны дорогостоящую систему социальной поддержки населения. Данная система существует благодаря высоким доходам экспортеров, частично перераспределяемых в пользу государства и других слоев населения. Инженер в стране, получающей технологическую ренту на мировом рынке, имеет более высокий уровень жизни, чем такой же специалист в стране, живущей за счет продажи топлива, продовольствия или сырья.

Еще одним важным элементом скандинавской модели социального государства является возмещение социальных издержек (затраты на образование, профессиональное обучение, медицинское обслуживание, меры на рынке труда) государством. Выполнение государством социальных функций в значительном объеме может быть выгодно для предпринимательского сектора. Если в какой-то стране создана «умная экономика», растут объемы наукоемкого сектора, то ее компании предъявляют растущий спрос на высокообразованные и высококвалифицированные кадры, способные работать в инновационных отраслях. В этом случае предпринимательскому корпусу намного выгоднее, чтобы государство брало на себя большую часть затрат по формированию и совершенствованию человеческого потенциала и превращению его в фактор развития, чем создавать собственные системы подготовки рабочих кадров с нуля.

Итак, можно вполне обоснованно признать, что скандинавская модель хозяйственного социально-экономического развития позволила этим странам довольно благополучно выйти из финансового кризиса 90-х гг. Это подтверждает выска-

зывание министра финансов Норвегии К. Хадварсен: «В общем и целом наши системы социального благополучия с высоким налогообложением, дорогостоящей социальной защитой действовали, как стабилизационный якорь» [2. С. 38].

Если использовать новую трактовку теории факторов производства применительно к экономической ситуации в России, то следует усилить внимание к такому фактору, как ресурс рынка сбыта. Причем основные усилия необходимо сосредоточить на повышении покупательной способности беднейших слоев населения. Именно они отнесут всю прибавку в магазины, в отличие от богатых, и предъявят спрос на наиболее ходовые продукты и вещи, произведенные отечественными производителями. На этом направлении близка к реализации программа дополнительного питания (ПДП) «Продуктовая карта». «По ней малоимущие граждане смогут ежемесячно получать от государства деньги по 1200 рублей в месяц на человека на некоторые виды отечественных продуктов. Предположительно через кошельки россиян в пищевую промышленность из госбюджета будет перетекать свыше 240 млрд рублей в год, что составляет менее двадцатой части ее среднегодового оборота» [6. С. 38].

Перед правительством встает сакраментальный вопрос: «Где взять деньги?».

По данным Росстата, за восемь месяцев 2015 г. доходы бюджета сократились по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. на 5%, а расходы выше прошлогодних на 18,6%. У регионов положение не лучше. На наш взгляд, наиболее предпочтительный выход — это введение нулевой ставки подоходного налога на заработную плату в пределах 15—16 тыс. рублей с одновременным увеличением подоходного налога на лиц, имеющих наиболее высокие доходы, т.е. пятую квинтиль. Как следует из данных таблицы 2, увеличение подоходного налога для пятой группы только на 4% в два раза перекроет потери от введения нулевой ставки по первой группе. Безусловно, более эффективным было бы введение для самых богатых слоев населения ставки подоходного налога хотя бы в размере средне-европейской по состоянию на 2014 год — 35,2%.

Таблица 2

Расчет среднемесячной заработной платы и НДФЛ по 20-процентным группам занятых [11] (данные 2014 года)

Распределение по 20%-м группам	Доля фонда оплаты труда в доходах в %/ Объем в млрд руб.	Численность занятых в тыс. человек	Величина уплачиваемого НДФЛ каждой группой в млрд руб.	Среднемесячная заработная плата в руб.
Первая (с наименьшей заработной платой)	5,2 1666,9	14 307,8	216,7	9 708
Вторая	9,9 3 167,8	14 307,8	411,8	18 450
Третья	14,9 4 767,8	14 307,8	619,8	27 769
Четвертая	22,6 7 231,3	14 307,8	940,1	42 107
Пятая (с наибольшей заработной платой)	47,4 15 166,6	14 307,8	1971,7	88 335

Наглядное представление о том, как обстоят дела с доходами в первой группе, можно получить из данных табл. 3. В 2014 г. прожиточный минимум был установлен в целом по России в размере 8234 рубля. Таким образом, лица с заработной платой от 5000 до 9000 тысяч рублей после вычетов подоходного налога не имели прожиточного минимума. Таковых насчитывалось 14,2%, или 20,6 млн человек.

Таблица 3

**Распределение населения
по величине среднедушевых денежных доходов [11] (в %)**

	2008	2010	2014
Все население	100	100	100
в том числе со среднедушевыми денежными доходами в месяц, руб.:			
до 5 000,0	15,9	9,4	3,3
от 5 000,1 до 7 000,0	12,6	9,4	4,8
от 7 000,1 до 9 000,0	11,7	9,8	6,1
от 9 000,1 до 12 000,0	14,5	13,6	10,0
от 12 000,1 до 15 000,0	10,9	11,3	9,9
от 15 000,1 до 20 000,0	12,3	14,1	14,4
от 20 000,1 до 25 000,0	7,5	9,5	11,4
от 25 000,1 до 30 000,0	4,7	6,4	8,8
от 30 000,1 до 35 000,0	3,0	4,4	6,7
от 35 000,1 до 40 000,0	6,9	3,1	5,1
от 40 000,1 до 50 000,0	...	3,8	7,0
от 50 000,1 до 60 000,0	...	5,2	4,2
выше 60 000,0	...	...	8,3

Свою теоретическую позицию по этой проблеме четко определил второй человек в нашей стране: «Наконец на передний план в экономической и политической повестки выходит рост неравенства — и как фактор, напрямую влияющий на уровень социально-политической стабильности, и как возможный ограничитель экономического роста» [7. С. 12]. С этим тезисом можно целиком и полностью согласиться, но только с единственной поправкой: неравенство — не возможный, а реальный ограничитель экономического роста, так как ведет к снижению объемов внутреннего платежеспособного спроса. Необходимо делать ставку на рост внутреннего потребления. Именно это демонстрирует Китай. Но сокращение неравенства — это не только введение прогрессивного налогообложения, но и рост заработной платы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Антюшина Н.* Значение опыта североевропейских стран для экономической теории и политики // *Экономист*. 2015. № 8.
- [2] *Бузгалин А., Колганов А.* Русская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // *Проблемы теории и практики управления*. 2014. № 10.
- [3] *Воронов К.* Северные страны: рациональная алгоритмика преодоления кризиса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 10.
- [4] *Генри О.* Короли и капуста. Т. 1. М., 1975.

- [5] Гришин И. Швеция после шведской модели // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 6.
- [6] Захаров В., Голикова Е. О зависимости благополучия страны и прогрессивности шкалы налогообложения // Экономист. 2015. № 8.
- [7] Лабькин А. Инъекция от бедности // Эксперт. 2015. № 40.
- [8] Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10.
- [9] Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 13.02.2012.
- [10] Смолин О.Н. Социальная справедливость: не «все поделить», но «делиться надо» // Альтернативы. 2014. № 1.

THE CURRENT RUSSIAN MODEL OF SOCIAL DEVELOPMENT, AND ECONOMIC GROWTH

V.V. Paramonov

Public and Municipal Administration Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Although the Article 7 of the Constitution of Russia adopted in 1993 defines the country as a social state, the contemporary social and economic situation is significantly different from this declaration. The author considers the current situation focusing on the foundations of the welfare state. The indicators of social inequality and stratification that allow to identify the country as a social state prove the widening gap between the rich and poor. In recent years, nothing has been done to achieve the more equitable distribution of income and national wealth, which led to the further growth of social inequality exceeding the global indices. The author believes that the high level of social inequality negatively affects the economic growth. Based on the studies of Russian scientists he concludes that equal distribution of income provides higher rates of economic growth and prosperity of the country. The modified theory of the factors of production explains this interconnection, and adds a few more factors, including such a specific resource as sales market, to three factors introduced by J.B. Say at the beginning of the XIX century. The huge social inequality and, consequently, a significant number of the poor deprive the country of such an important resource. To change the situation, the author proposes to return to the progressive tax scale and introduce the zero rate of income tax for the poorest groups in order to create prerequisites for the growth of consumer demand under the economic crisis.

Key words: welfare state; income differentiation; progressive scale; “flat” scale; theory of the factors of production; market resources.

REFERENCES

- [1] Antyushina N. Znachenir opita severievropeskikh stran dly ekonomicheskoy teorii i politiki [The meaning of the Nordic experience for economic theory and policy] // Economist. 2015. № 8.
- [2] Buzgalin A., Kolganov A. Russkaya ekonomicheskaya sistema: specifika otnosheniy sobstvennosti i vnutrikorporativnogo upravleniya [Russian economic system: Specific relationship between property and internal corporate management] // Problemi teorii i praktiki upravlniya. 2014. № 10.

- [3] *Voronov K.* Severnie strani: razionalnaya algoritmika preodoleniya krisisa [Nordic countries: Rational algorithms of overcoming the crisis] // *Mirovaya economica i mezhdunarodnie otnosheniya*. 2014. № 10.
- [4] *Henry O.* Koroli i kapusta [Cabbages and Kings]. Vol. 1. M., 1975.
- [5] *Grishin I.* Shwetsiya posle shvedskoy modeli [Sweden after the Swedish model] // *Mirovaya economica i mezhdunarodnie otnosheniya*. 2014. № 6.
- [6] *Zakharov V., Golikova E.* O zavisimosti blagopoluchiya stran i progressivnosti shkali nalogoblageniya [On the dependence of the welfare of the country on the progressive scale of taxation] // *Economist*. 2015. № 8.
- [7] *Lobykin A.* In`ektsiya ot bednosti [Injection from the poverty] // *Expert*. 2015. № 40.
- [8] *Medvedev D.A.* Novaya realnost: Rossiya i globalnie vyzovy [A new reality: Russia and global challenges] // *Voprosi ekonomiki*. 2015. № 10.
- [9] *Putin V.V.* Stroitelstvo spravedlivosti. Sotsialnaya politika dlya Rossii [Construction of justice. Social policy for Russia] // *Komsomolskaya pravda*. 13.02.2012.
- [10] *Smolin O.N.* Sotsialnaya spravedlivost: ne "vse podelit", no "delitsya nado" [Social justice: Not "all to share", but "we must share"] // *Alternativy*. 2014. № 1.